

ВИКТОР ПЕТРОВ

ПОДДОННЫЙ КЛЮЕВ

*В эпоху искоренения в России всего
русского Клюев и создавал великий
русский миф, великий русский эпос...*

Сергей Куняев

Поздней осенью 2014 года в библиотеке г. Одинцово состоялся вечер-презентация книги С. С. Куняева “Николай Клюев”, вышедшей в этом же году в издательстве “Молодая гвардия” в серии “Жизнь замечательных людей”. Автор подарил мне объёмный том (647 стр.!). С фотографии на обложке смотрел в наш мир поэт с бездной боли в глазах. Всю зиму я читал, словно шёл по следу жития русского поэта-странника, эту редкостную по охвату разнообразнейшего материала книгу. Интерес не исчезал и не притуплялся от первой фразы – “Крик. Крик и холод” и до последней – “Ради нашего просветления. Ради нашего спасения, наконец”. Временами мне казалось, что я попал на чердак волшебного особняка, где, помимо знахарских корней и трав поэзии, собраны редкие подшивки старых газет, связки писем, документов, листы древних рукописных книг, множество удивительных артефактов. Это богатство зачаровывало, позволяя не только следить за мыслью автора, но и вести своё собственное расследование. Более того, автор лишь разжигает читательский интерес, поставив множество вопросов, порой лишь намечая темы, требующие дальнейшей духовной работы, проникновения в тайны тысячелетней отечественной поэзии и судьбы поэта в России. Источники, собранные и систематизированные, прочувствованные и осмысленные со всепоглощающей любовью к герою повествования, позволяют читателю создавать свои версии, строить гипотезы, самостоятельно делать выводы.

С. С. Куняев многократно говорит о “поддонном смысле” клюевской поэзии (с. 97, 180, 200, 242 и далее). Постепенно приходит понимание, что золотоносное “дно” – это пушкинская эпоха русской поэзии. Достигая этого “дна” и отталкиваясь от него, современный читатель и стихотворец выходят на поверхность нынешней текучей литературы. Но там, под этим дном, в самой народной почве таится семисотлетняя река отечественной словесности, выведенная из широкого читательского оборота, она прорывается подземными родниками, которые выходят на поверхность настоящего времени. Это воистину ключи к пониманию целостной тысячелетней духовности, накопленной и сохранённой праотцами, нашими прадедами и дедами. Николай Клюев поставил перед собой сверхзадачу: в собственном творчестве соединить в единое целое многовековую стихию русской изящной словесности. Так в сказках четвертованного витязя возвращают к жизни мёртвую и живую воду, сращи-

вая богатырское тело и воскрешая его силой живой воды. Возродить вековую традицию отечественной поэзии — эта мысль многократно высказывается на страницах книги. Автор лишь намечает пути её дальнейшей проработки и развития. Он многократно утверждает, что в начале прошлого века, в творчестве “новокрестьянских поэтов” (Н. Клюева, С. Есенина, С. Клычкова, П. Орешина, А. Ширяевца...) наблюдается осознанное соединение революционной современности с глубинной общенародной традицией: “На самом деле это было явление поэтов Русского Возрождения, становление уникального направления в русской литературе...” (с. 131). Печален его вывод, что и в то время, да и сегодня, пришлось “не ко двору русские поэты, идущие из глубинной традиции” (с. 168). Это прекрасно осознавал Николай Клюев: “Не сжигают ли Аввакума // Под вороний несметный грай?” И это не о XVII-м, а о XX веке, когда к власти пришли, по слову поэта, “бетонные, турбинные люди, душно им от моих избяных, кашных и коврижных миров” (с. 377).

Читать стихи и поэмы Николая Алексеевича Клюева — серьёзный труд, требующий основательной подготовки, особого образования, углубления в церковнославянский литургический и древнерусский книжный языки, знания устной народной словесности, отечественной и мировой истории до глубины праиндоевропейских времён, знакомства со старообрядческой книжностью, созданной после раскола Православной Церкви. Стили книжника-раскольника и поэта XX века, разделённые трехсотлетней пропастью, как показывает автор, зачастую до удивления схожи. Вот цитата из “Истории Выговской пустыни” Ивана Филиппова: “Я же российская украшающее златоплетенно пределы, земная совокупляху с небесными...” Вот отрывок из поэмы “Погорельщина”: “Отец “Ответов” Андрей Денисов // И трость живая Иван Филиппов // Сузёмок пили, как пчёлы липы...”

С. С. Куняев, влюблённый в своего героя, за годы создания этой книги сумел проникнуть в “поддонный” язык Николая Клюева. Из главы в главу он показывает читателю, как “песенный дар (в Клюеве. — В. П.), в конце концов, берёт верх над даром проповедника” (с. 30). Автор приходит к выводу, что “Клюев не “стилизировал”, а творил собственные гимны и песнопения, естественно и легко используя найденное предшественниками” (с. 124). Духовный путешественник из “бунташного” XVII-го в революционный XX век, он, вооружённый русской культурой Серебряного века, стал одним из самобытнейших поэтов современности. Обильные цитаты из стихов и других произведений поэта, снабжённые краткими к ним авторскими комментариями, становятся для читателя пропедевтическим курсом, вратами в поэзию Клюева. Похоже, Н. А. Клюев сознательно пошёл на читательское непонимание, на обвинение в стилизации и намеренной языковой усложнённости, в якобы “переводах с древнерусского”, фольклорных заимствованиях, “поддонности” своих творений. Такому читателю, ограниченному рамками Золотого и Серебряного веков отечественной литературы, Клюев не открывается и в настоящее время. Ранние стихи Н. Клюева, по точному наблюдению автора, “не выделялись на общем фоне многочисленных стихотворений того времени” (с. 41). После выхода в свет “Песнослова” (1919), лишь намечавшего выход за рамки принятой в то время поэтики, он год за годом идёт по пути усложнения языкового замеса ради воплощения в слове своего художественного замысла — творить на пространстве тысячелетней русской культуры. Автор красиво, но спорно утверждает, что “былинный стих Клюева начинает обретать вселенский размах, повествование выходит за пределы милой опушки, родного бора, деревни-матери... оживают древние природные стихии и их покровители — христианское время наплывает на языческое — мифологические существа оживают, разбуженные железной поступью” (с. 179). Похоже, что именно это и привело Сергея Куняева к идее появления на литературном небосклоне поэзии, как он говорит, Русского Возрождения, вождем которой чувствовал и осознавал себя Н. А. Клюев. За что он, собственно говоря, и пострадал, заплатив всей своей жизнью. Автор кратко резюмирует: “И потянулся за Клюевым шлейф гордеца и елейника одновременно” (с. 110). Даже ближайшие друзья один за другим отходят от поэта, оставляя его в катастрофическом одиночестве. Более того, автор приходит к мысли, что Клюев создаёт то, что вообще не пишется в рамки известного литературного процесса, эмоционально восклицая: “Это уже не литература!” (с. 383) Но что? Ответа нет, есть следствие: особая клюевская словесность, образцы которой мы находим на страницах этой био-

графической книги, а к ним — множество высказываний современников, отказывающихся принимать его исключительную поэтику. Положение дела мало изменилось и в наше время. Читательское непонимание его поэзии лишь усиливается, как говорит автор, “особенно теперь — в эпоху господства жаргона и практически повсеместной потери самих основ народного языка” (с. 180). Круто сказано, жаль, что без расшифровки и доказательств. Современные поэты настолько разнообразны, языкотворчество их так мало осмыслено, что рано ещё делать категоричные выводы.

Особое место в книге занимает философско-психологический анализ взаимоотношений Николая Клюева с Александром Блоком и Сергеем Есениным, данный на густонаселённом фоне поэтов и писателей Серебряного века и первых послереволюционных лет (А. Ахматова, Н. Гумилёв, С. Городецкий, В. Брюсов, А. Белый, В. Маяковский, П. Васильев и многие другие). Этот анализ сопровождается авторским анализом истории первой трети прошлого века, ярко написанной и далеко не совпадающей с тем, что утвердилось в науке и учебниках.

Переписка, а затем и личные встречи с А. А. Блоком документально оснащены, но поданы глазами самого Н. А. Клюева, причём автор выступает скорее адвокатом своего героя, нежели беспристрастным судьёй. Удивительно, что даже лексически авторский текст буквально совпадает с собственным клюевским, столь глубоко вхождение Сергея Куняева в образ своего героя. И это на протяжении всего повествования так отчётливо, что порой не замечаешь перехода от закавыченного текста в авторский. Вызывает сомнение степень влияния Клюева на Блока (“мужика на барина”), поднятая автором чуть ли не до превосходной. Впрочем, нельзя полностью согласиться и с оценкой переписки двух поэтов, данной В. В. Розановым: “Блок выбрал в корреспонденты неудачного “мужичка”. По крайней мере, странно, откуда Клюев взял право говорить с Блоком от имени всего русского народа? Наверное, от своеобразия своего дарования, но и не без гордыни. Он явно пытался учить Блока жизни, “указывать пути” в творчестве. Сергей Куняев, не вдаваясь в детальный анализ, вскользь замечает: “Клюев разделял в Блоке великого поэта и “декадента” со всеми присущими ему свойствами” (с. 88). Это не ответ. Да и как живое целое можно “разделить”?

Взаимоотношения Клюева и Есенина — пожалуй, самые драматичные страницы данного биографического повествования. Автором собран и предложен читателю богатейший материал, достаточный для монографического исследования проблемы. Поставлен любопытный вопрос: что считать “народной основой” в их поэтическом творчестве? Ответа на него нет и по сию пору. Сомнительно утверждение автора, что “если бы рядом с Есениным... не было бы Клюева и он... поддался бы на “заманки” Маяковского и пошёл бы за ним — он бы погиб как поэт” (с. 220). Без комментариев остаются многие высказывания самого Н. Клюева, например, парадоксальное: “Поэзия Никитина и Спиридонова Дрожжина не есть русская поэзия, их стих, где голая фабула и тенденциозность, пришедшие от немецкого мещанского искусства, далёк нашей душе. Мы же с Есениным, как и далёкие наши братья, древние изографы, умеем облекать свои мысли в образы, в затейную, как арабская вязь, форму” (с. 233). И далеко не случаен разрыв Есенина с Клюевым в 1917 году. Разные они, оба не подвластные давлению извне, оба верны природе своих дарований. Сергей Есенин расхождение со старшим товарищем-поэтом выразил кратко и убедительно:

“Я от Клюева ухожу. Вот лысый чёрт! Революция — а он избяные песни. А поэт огромный. Ну, только не по пути!” (с. 233). Сергей Есенин шёл к лирической прозрачности, задушевности, понятности для современника. Николай Клюев выбрал в своём творчестве ориентацию на язык допетровской Руси, начал свою личную борьбу с петербургским этапом развития русской литературы, конструируя на этой “идейной” основе поэзию, как ранее отмечалось, “Русского Возрождения”. С. С. Куняев утверждает, что “для Клюева это время стало временем рождения новых песен — песен русского сопротивления” (с. 485). О есенинских стихах 1924–1925 годов Клюев отзывался как о безделице, как об отходе от им предначертанного пути развития русской поэзии: “книжечка настольной станет для всех нежных юношей и девушек России” (с. 454). В конце книги автор вновь возвращается к этой теме и заключает несколько иначе: “Как сказал тогда в “Англетере” (Клюев. — В. П.) —

будут нежные юноши и девушки книжечки составлять из его стихов. И сейчас – как в воду глядел” (с. 604). В день ухода Есенина из жизни Клюев был рядом, но спасти друга-неприятеля либо не захотел, либо не мог. Вот что цитирует автор книги из Роберта Куллэ: “Прогнав всех от себя, Есенин уговаривал Клюева остаться у него на ночь. Клюев понял, что Есенин что-то замышляет, и сказал ему: “Делай, что задумал, но скорее”. Сам же ушёл, так как знал, что с Есениным кончено” (с. 456). Сергей Куняев, приводя мельчайшие подробности той трагической декабрьской ночи в “Англетере”, не проясняет, а лишь затемняет ход событий. Что поделать, таково состояние источников!

Книга “Николай Клюев” – явление в отечественном литературоведении. Она даёт ключ и к тайне рождения, становления и развития сказителя-поэта и его уникального поэтического языка, к религиозно-философскому осмыслению целостной поэтической культуры России, открывая веер тем, требующих дальнейшего исследования. К ним можно отнести такие, как старообрядческая письменность и поэзия в контексте поэтики Клюева; диалектика взаимодействия устной народной и древней книжной словесности в русской литературе; плагиат, стилизации и оригинальное творчество в русской поэзии; отечественная история глазами её поэтов; языческие мотивы в творчестве православных поэтов и многие другие. Под напором приведённого автором огромного круга противоречивых источников, разноречивых оценок, наконец, языковой сложности самого творчества Н. А. Клюева автор восклицает: “Нет, невозможно уложить этого поэта в разлинеенную (так! – **В. П.**) диаграмму. Невозможно дать однозначную характеристику ни одному из периодов его жизни” (с. 554). Вот с этим нельзя не согласиться!